

РАССКАЗЫ И. ДАНИЛИНА

"Курьер", 1901 г., No 112

Новейшая русская литература в высшей степени бедна художественными описаниями жизни и быта современного рабочего и мастерового. Те немногие произведения, которые посвящены подобного рода описаниям, представляют из себя (лишь за весьма редкими исключениями) чересчур бегло набросанные эскизы и не свидетельствуют об особенно глубоком знакомстве их авторов с описываемой ими средой. Поэтому нельзя не отметить, как крупное литературное событие, появление книги Г.И. Данилина "Очерки и рассказы".

Г. Данилин очень тщательно изучил рабочий быт, очень пристально всмотрелся в духовный и нравственный облик рабочего и, в результате, дал, правда, ряд очерков, ряд рассказов, в которых описательный элемент преобладает над повествовательным, но его очерки нисколько не походят на обычные эскизы. Его очерки набрасывают верную, многостороннюю, продуманную картину жизни, развивающейся в одном из интереснейших уголков русской действительности.

Этот уголок - мастерская столичных промышленных заведений. Из числа этих мастерских Г.И. Данилин предметом своих художественных описаний выбирает, главным образом, те, в которых парят еще "старые" порядки, на которых еще лежит печать пресловутой "патриархальности".

Таково, например, литографское заведение Мохова ("В мастерской"). Мохов - типичный пример русского купца, закореневшего в старинных взглядах на способы ведения промышленного предприятия и на отношения между предпринимателем и рабочими.

Он был, как говорится, "нескладно скроен, да крепко сшит". Широкий в плечах, неповоротливый, напоминавший движениями героев русских лесов, медведя, он к тому же обладал и медвежьей силой, которую и проявлял, уча рабочих "уму разуму". Даже лицо его внушало трепет не знавшим его. Крупный, картошкой нос, рот с редкими желтыми зубами, в которых он держал неизменно сигару русского приготовления и постоянно нависшие седые брови над серыми серьезными глазами.

Одет он был всегда в длинный старый сюртук, "правый рукав которого он постоянно держал в кулаке, чтобы не зашибить руку в частых и случайных стычках".

Как истый русский человек, он любил подраться и любил крепкие русские слова. Пьяненьким рабочим-вертельщикам, столярам, картонщикам - от него частенько "влетало".

Расправившись таким образом с кем-нибудь из своих подчиненных, он, довольный и радостный, шел к рисовальщикам.

Хорошего леща сейчас отпустил Степке,- довольно похвалялся "сам" Коптев, Хочешь сигаркой угощу? - предлагал он.

Без "леща" он сигаркой никогда не угощал, но после "леща" у него всегда являлось хорошее расположение духа. Рабочие знали это и по-своему пользовались "случаем". Они сейчас же, кому нужно, шли просить "вперед" деньги и никогда не встречали отказа.

Система штрафов за прогул "истый русский человек" не признавал. Не признавал он вообще никаких технических и административных нововведений в деле. Возмущался теми хозяевами, у которых "по свистку люди приходят, по свистку уходят обедать, и опять приходят и кончают, все по свистку"; у которых каждый рабочий имеет свой номер, за каким он и значится. Приходит на работу - вешает номер, уходит обедать - снимает, приходит - опять вешает". Рабочего он считает человеком, К одному из хозяев "нового" типа он обращается со следующим нравоучением:

"Человек - все человек, а не номер! Он хоть и простой мужик, к примеру, у меня вертельщик, у тебя ткач, а он из того же теста и из тех же мужиков, что и мы с тобой".

И если Мохов и другие подобные ему "хозяева" (напр., "сам", фигурирующий в бытовых очерках "Из записок чернорабочего"), с их чисто домостроевским мировоззрением на фоне текущей экономической жизни являются людьми устаревшими, людьми эпохи, уже отходящей в области исторических преданий, если на порядки, подобные тем, которые царят в мастерских Мохова, следует смотреть, как на вопиющий исторический анахронизм, то рабочих, состоящих под началом Мохова и К^о, нельзя никоим образом упрекнуть в отсталости и приверженности "старине".

Напротив, они - представители прогрессирующей городской цивилизации: условия борьбы за существование, в которые они поставлены, и характер окружающей их обстановки сделали их способными к высокому духовному развитию. Столичная атмосфера и товарищеская среда